

Елена Гостева

Пять дней в Шумле

12+

Елена Гостева
Пять дней в Шумле

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Гостева Е.

Пять дней в Шумле / Е. Гостева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

7-я часть историко-приключенческого романа "Стрекозка Горгона". 1828 год - начало русско-турецкой войны, за лето и осень русская армия заняла Валахию и Молдавию, на правом берегу Дуная - крепость Варну и небольшие селенья. Зимой боевые действия велись вяло. Самый удаленный от основных русских сил гарнизон зимует в Праводах (русское наименование болгарского города - Провадия). Летом 1828 года русским не удалось взять Шумлу. И весной в неё отправлен русский лазутчик - подпоручик Николай Целищев из Праводского гарнизона. Какая у него цель, как он справился с заданием, читатель узнает из этой книги.

© Гостева Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	11
-----------------------------------	----

Апрель, 1829 год

Глава 1

Перед выходом из леса долго всматривались в заснеженную равнину, на которой местами виднелись небольшие заросли кустарников. Вблизи ни турок, ни их следов не было видно, ничего подозрительного. По снежной целине двигались рысью туда, где вдали темнела гряда покрытых лесом гор. Нужно проехать почти пятнадцать вёрст по открытой слегка всхолмлённой местности. Когда удалились от леса вёрст на семь, казак закричал: «Гляди справа!». Это надвигалась тёмная масса турецких конников. Драгуны и казаки перестроились, изготовляясь к бою. А полковник Липранди приказал: «Пандуры, за мной!», подпоручик Целищев последовал за ним. Пока полк будет сдерживать противника, им нужно доскакать до спасительного леса. Кони шли крупным наёмом; партизанам местность знакома, они уводили маленький отряд по дороге, покрытой недавно выпавшим снегом.

За спиной остались товарищи, они принимали бой ради него, чтобы он, избранный полковником Липранди для выполнения особой миссии, смог проехать, куда нужно. Началась перестрелка. «Только б не дошло до рукопашной!» – молил Целищев. Пока турки и русские лишь издали обстреливают друг друга, больших жертв не будет, а если в ход пойдут палаши и ятаганы, исход может быть очень плачевным. Николай Целищев оглянулся. Турки, похоже, поняли, для чего русские вышли на равнину. От их основного отряда отделилась часть всадников и скакала за партизанами. Командир пандур Цветко развернул коня, скинул с плеча ружьё, его примеру последовали остальные. Целищев прицелился в турка, возглавлявшего погоню. «Бить по коням!» – приказал Цветко. Залп – и лошади преследователей, споткнувшись, перекувырнулись, роняя и подминая седоков. Тот, в кого стрелял Николай, выпал из седла, взмахнув руками. Партизаны поскакали вперёд, на ходу загоняя патроны в дула. Затем Цветко снова развернулся, вскинул ружьё, а полковник приказал: «Целищев, за мной! Пандуры знают своё дело, справятся без нас!»

И вот лес, тропа, ведущая в гору. Звуки выстрелов отдалялись. Выехав на гору, полковник достал подзорную трубу, посмотрел в неё.

– Подпоручик, думаю, с Вашими товарищами всё в порядке. Не похоже, что бой слишком жаркий, – и протянул трубу Николаю.

Драгуны уже отступили к опушке леса, турки были на небольшом расстоянии от них, они всё ещё перестреливались, не сближаясь. На месте стычки виднелись тёмные точки – убитые лошади. Пандуры тоже поднялись на гору. Все были целы, только на одной лошади сейчас ехали двое седоков: конь одного убит. Через час отряд въехал в стан гайдуков, скрытый в лесу. Волчан Войвода вышел навстречу. Этот местный Стенька Разин, как охарактеризовал его Липранди, оказался высоким мужчиной с длинными седыми волосами и усами такого же цвета. Он широко улыбался:

– О! Полковник! А я знал, что ты сегодня приедешь, ждал. Мы для гостей барана зарезали! Давайте ужинать!

Неделю назад в Праводах, предложив Целищеву разыграть партию шахмат, полковник Липранди как бы невзначай поинтересовался:

– Подпоручик, говорят, Вы были циркачом? Это правда?

– О да, каюсь! Но мне казалось, об этом никто не знает.

Николаю было всего 14 лет, когда он сбежал из московского училища, из-под опеки строгих тётушек, влюбившись в циркачку, и путешествовал с итальянской труппой более года. Дворянская родня прилагала немалые усилия, чтобы слухи об этом приключении их отпрыска не распространялись широко.

– В чём каяться? Мне импонирует Ваша решительность... И ещё я восхищён Вашей способностью к языкам, – нахваливал Липранди. – Французский и немецкий знают многие, но Вы же, кроме них, хорошо владеете греческим и вполне сносно – турецким. И с Вашими способностями – быть просто драгуном? Неужель не скучно?

Липранди улыбался одобрительно, многообещающе, как, наверное, демон в раю улыбался Еве, уговаривая её отведать запретный плод. У полковника, как и у демона, тоже было соблазнительное предложение:

– А не желали б Вы перейти ко мне в отряд?

Николай чуть не подпрыгнул от радости. Да это ж мечта всех молодых офицеров! Полковником восхищаются все, а партизаны-пандуры, коими он командует, просто боготворят. Говорят, даже турки произносят его имя с величайшим почтением. Липранди – именно тот человек, который создал здесь партизанские отряды, он же всю зиму разъезжал по Турции из одного села в другое, общался с болгарами, греками, валахами, с турками, подбирая людей, кои потом приносили ему сведения о неприятеле, о жизни в турецких городах, то есть, создал агентурную сеть. Конечно же, Николай согласился. Теперь все товарищи будут ему завидовать!

Глава 2

А ещё через день Николай в одежде болгарского крестьянина в роли погонщика навьюченного мула шёл в Шумлу. Может, другой бы и сказал, что быть шпионом недостойно офицера, только не он. В 14 лет он выступал на арене цирка, сейчас предстояло сыграть другую роль, и эта роль казалась ему захватывающе интересной. Одежду позаимствовали у болгар. Только на всякий случай с внутренней стороны жилета, куртки, штанов пришили многочисленные карманы; в них сейчас спрятаны два пистолета и кинжалы, с ними подпоручик чувствует себя уверенней.

Волчан Войвода поручил верным ему крестьянам помочь Целищеву, он же дал в сопровождение семнадцатилетнего Радко. Прошлым летом, когда Шумла переполнилась войсками, родители паренька переехали в село, в городе из семьи остался лишь дед Яким – следить, чтобы воины султана дом по камушкам не разнесли. А юноша то с отцом-матерью, то деда навещает. И часто заворачивает к Скоке, «логову» Волчана. Родители считают, что парень у деда, дед думает, что – у родителей, а тот в это время в гайдуцком стане крутится. Это всё чистосердечный юноша выложил Николаю сразу же и пожаловался: мол, как обидно, что теперь Волчан не грабит турецкие обозы, Радко бы с превеликим удовольствием поучаствовал в набегах. Имя неунывающему пареньку очень подходит. Сейчас распутица, снег наполовину растаял, брести по нему – чистое мучение. А юноше всё нипочём, он оживлён, весел.

– Я стрелять умею и саблей рубить. Дядя Волчан научил, – похвалился он.

– Хорошо. Только говори потише, как бы турки не услышали.

– Разве это громко? – изумился тот. – И знаешь, люди говорят, Войвода столько золота накопил, что даже русскому царю может отсыпать.

Услыхав столь нахальное заявление, Николай едва сдержал смех, но спорить не стал. Он старается поменьше болтать, чтобы себя не выдать. Радко верит, что ему поручено сопровождать болгарина-гайдука или валаха-пандура. Ни к чему его разуверять.

Липранди говорил, что Волчан при первой встрече допытывался, возьмёт ли император Николай Павлович Болгарию под свою руку, если одержит победу. Вызнав, что при любом исходе войны русская армия уйдёт с Балкан, воевать отказался. Сказал, отдохнёт пока. Потом, когда русские уйдут, снова за своё дело примется: кому-то ж надо будет христиан защищать, страх на магометан наводить. Партизаны-пандуры порой отдыхают у него, Войвода даёт советы Липранди, вместе ракию¹ пьют, и этого достаточно. Да, есть среди местных мужчин горячие

¹ Ракия – крепкий алкогольный напиток (от 40 до 75%), популярный на Балканах, традиционный у южнославянских народов.

головы, что воевать готовы. Но государь Николай Павлович дал строгое предписание не привлекать болгар к военным действиям, а то, не дай Бог, захотят восстание поднять. В одиночку болгары не справятся, а император помочь не сможет: его в этом случае не поддержит ни одно европейское правительство, могут и новый поход на Москву организовать. Валахи восстали, так магометане топили их селенья в крови, убивали без разбора тысячами. Греки сейчас воюют, так турки в отместку вырезают не только мужчин, но и женщин, и стариков, и младенцев – десятками тысяч. Государь Николай Павлович не хочет, чтоб такая же кара обрушилась на ещё один христианский народ.

Турецкие воины едут впереди и сзади небольшого каравана, покрикивают, торопят. В Шумле сейчас большое войско стоит, кое нужно кормить и одевать-обувать, а конникам нужны сёдла, сбруя. Вот и разсланы по сёлам отряды турецкие для сбора всего необходимого. Крестьяне-болгары везут то, что сами произвели: кожи, муку, продукты.

Дорога петляла по заросшей лесом горе, поднималась, спускалась, снова поднималась. О приближении к заставе возвестил лай собак. За поворотом показались каменные строения и меж них – высокие ворота. Воины, сопровождавшие обоз, заторопили: «Вперёд, вперёд!». Целищев, копируя походку спутников, сгорбился, втянул голову в плечи и исподлобья, опасливо, но с большим любопытством озирался на стражу, на строения. За каменным домом – навес для лошадей. Лохматые собаки, рычащие одна на другую из-за костей; псинки поменьше довольствуются тем, что лижут снег грязно-красного цвета: кого-то здесь не столь давно зарезали.

Миновав заставу, стали спускаться с горы. Радко сверху оглядывал город с нескрываемой радостью и призывал спутника разделить её:

– Красиво, правда?!

Указывая вокруг, паренёк сообщал, что и как называется. Название горы Кьошквит позабавило: «кошкин вид» – перевёл для себя Николай. Горы, окружавшие Шумлу, и впрямь показались похожими на огромную спящую кошку, в подбрюшье которой, в ложбине, окружённой с трёх сторон горами, расположился город. Среди запорошенных снегом черепичных крыш видно несколько более-менее прямых тёмных линий – улиц. И над крышами – минареты, минареты, минареты, самый высокий – над серым куполом мечети, Тошбул джамии. А вдаль, на востоке, перед выходом на равнину, строения окаймляла высокая каменная стена серо-бурого цвета: крепостная стена, перед которой всё лето 1828 года стояла русская армия, но не штурмовала.

Шумла встретила шумом. Спускались вниз, погружаясь в городскую какофонию: цоканье подков по камням мостовых, стук и скрип колёс, пронзительные и глухие выкрики людей: все кричат, горланят, стараясь переорать друг друга. И чем дальше, тем всё более оглушительным был людской гомон, всё больше и больше вооружённых до зубов пеших и конных воинов толпилось вокруг; они неторопливо, с надменным видом отходили или отъезжали в сторону, уступая дорогу повозкам.

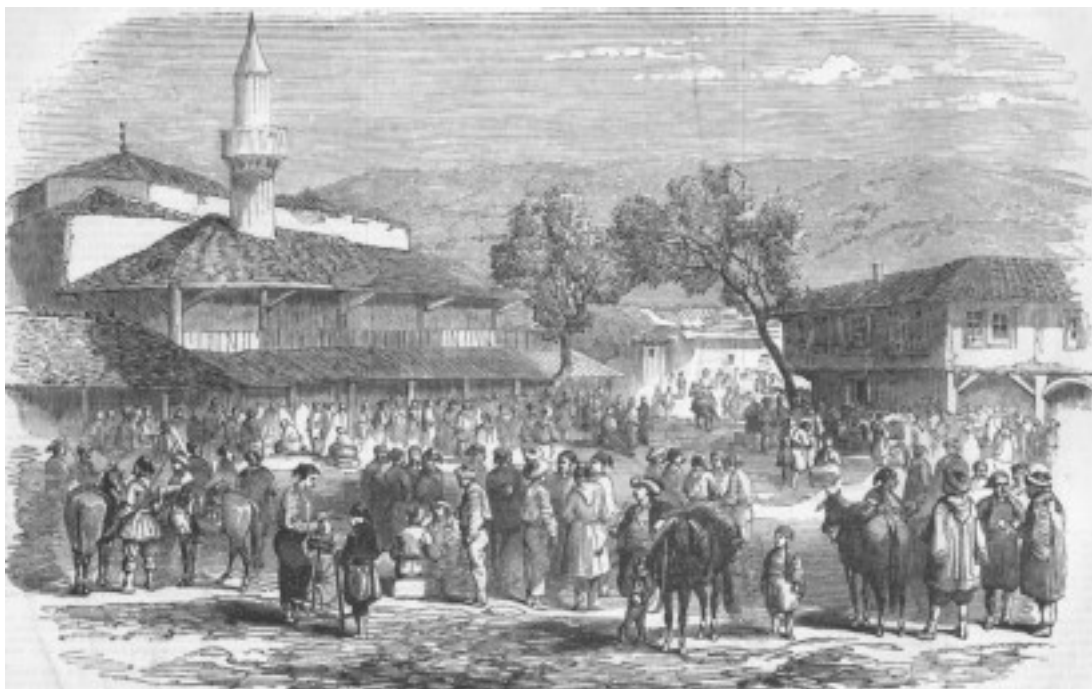
Радко и Николай пришли на грязную улочку, уходящую вниз, которую, наверное, следовало бы звать улицей мастеров: ремесленные мастерские и лавки располагались здесь одна за другой. Тюки с кожами занесли к седельщику, и начальник отряда визгливо, до рези в ушах, проорал ремесленнику:

– Кожи я привёз! Чтоб для моего полка сёдла через неделю были готовы!

Глава 3

На следующий день Радко знакомил товарища с городом. У ремесленников набрали всякой мелкой всячины и пошли торговать на разнос. Начали с кварталов, где жили болгары, затем – греки. Стучались во все дома:

– Уважаемые, мы принесли красивые вещи, нужные! Посмотрите, купите!

Одни отсылали прочь, другие открывали ворота, перебирали, что-то покупали. Николай не торговался, отдавал задешево: для него важнее было поговорить. Одна, вторая случайно оброненная фраза, и в его голове понемногу создавалась картина жизни в городе. Полковник Липранди поручил найти нужного человека, и вот в беседе с одним горожанином прозвучало имя: Тагир-ага, переселившийся в Шумлу нынешней зимой. Оставалось выяснить, тот ли?

Открытием для русского подпоручика оказалось, что в турецком городе есть православная церковь. Без креста над крышей, но всё ж – настоящая каменная церковь, христиане свободно молятся здесь. Возле неё ждал ещё один сюрприз – из дверей вышли трое мужчин в европейских одеждах. И они говорили по-французски! Николаю от неожиданности не удалось скрыть изумления, он уставился на них, и те обдали его презрительными взглядами:

– Что за дурацкая рожа! – прозвучало в его адрес.

Словно помоями облили. Приняли за дурака, ну и пусть! Чтобы сии господа не заподозрили, что он понимает их речь, переодетый в болгарскую одежду подпоручик Целищев скорчил ещё более глупую мину и следовал за ними до ограды, где стояли кони. Господин в серо-синем костюме, напоминающем военный, брезгливо поморщившись, произнёс:

– Не понимаю, зачем Вы, месьё Огюст, просили благословление у этого священника? Вы же – католик, а поп еретик, почти язычник! Как и все аборигены.

– Цель оправдывает средства, как говорил великий Лойола, – снисходительно оправдывался другой. – Я хочу, чтобы аборигены доверяли мне.

А сам, захватив с каменного столбика пригоршню снега, старательно протирал им руки.

– Достаточно и того, что мы снизошли до посещения этого капища – так именуемого храма. Хотя... И в нашей империи полно таких же варваров.

– Однако наши не тарачатся столь нагло и тупо, как этот, – кивнув на Николая, проворчал третий.

Европейцы неспеша поехали вниз по улице, рассуждая об обеде. Радко уже выяснил, что это был австрийский консул с товарищами. Зайдя в церковь, мнимые спекулянты увидели батюшку, который горделиво делился с мирянами:

– Тоже христиане, чтят Господа... Тот, что просил меня благословить, француз, раб Божий...

О! Видел бы священник, как брезгливо тот раб Божий руки протирает после общения с ним! Николаю было над чем подумать... Липранди предупреждал, что в Шумле постоянно живёт австрийский консул, и что некий человек из прислуги передаёт русским сведения о нём, хотя – крайне скудные. О французе не сказал ни слова. Французская армия стоит сейчас в Морее, на юге Греции, помогая греческим повстанцам. Что же делает мессье Огюст, (если он француз?), в городе, переполненном турецкими войсками?

Через час разносчики товара гуляли возле дома, где поселился француз. Каменный забор был высок, но ворота распахнулись, из них торопливо вышел человек, скрючившийся в три погибели. Моментом воспользовался Николай, он подскочил к воротам со словами:

– Уважаемый,пусти! У меня для господина товар есть – иностранцы любят наши изделия.

Привратник, зевнув, оглянулся и спросил, можно ль впускать торговцев, из глубины двора прозвучало: «Гони прочь этих нахалов!», и дверь захлопнулась. Радко уныло проворчал:

– И здесь гонят... И для чего мы ходим? – однако он кое-что успел заметить. – Видел человека, что двор подметает? Это Васил, наш сосед...

– Сосед? Вечером ходим к нему, – решил Николай.

– А какой толк?

Да, много ли мог знать болгарин, нанятый в качестве самой низкой прислуги: воды иль дров принести да двор подмести? Николай посоветовал юноше, чтобы тот вместе с соседом наутро отправился под предлогом поиска работы к турку, у которого квартировал француз. Работать Радко не желал, ни к чему, но покрутиться денёк, попытаться хоть что-то выведать, согласился. Он уже разочаровался в походах по улицам города с сумой, набитой товаром, стал брюзжать:

– Зачем везде ходить? Мы ж ничего не вывели.

Он рвался совершать подвиги другого рода, Целищев приободрил его:

– Зато дед тебя похвалит! Ты деньги заработал, ему отдашь...

Глава 4

Для Николая в этом городе всё было в диковинку, всё любопытно. И на следующее утро он снова отправился торговать. И вот дом, который, возможно, является целью его визита в Шумлу. Постучался, прокричал:

– Хозяева, у меня для вас товар хороший есть. Посмотрите!

Дубовые ворота распахнулись, и Целищев сразу словно наткнулся на недовольный взгляд карих глаз из-под косматых чёрных бровей. Широкий в плечах усатый мужчина лет тридцати одного роста с Николаем оглядывал его надменно:

– Что принёс?

– Много разного товара! Есть и для мужчин, и для женщин, и для дома. Такому статному мужчине нужен ремень, а для ремня – пряжка. У меня на любой вкус есть!

Достал из объёмной кожаной сумы пряжку и вместе с ней рукоять ятагана с двумя ушками янтарного цвета, протянул на показ обе вещицы. Мужчина с нескрываемой тревогой уставился на рукоять, испытующе, недоверчиво оглядел «торговца».

– Гляди, господин, какая красивая пряжка, – громко нахваливал Николай, – эта из меди, а если желаешь, дам серебряную...

– Красивая пряжка... – задумчиво промолвил тот и кивнул, приглашая войти.

Захлопнув ворота, он указал гостю на лестницу, ведущую со двора прямо на второй этаж дома: на чардак, как именуют такое помещение болгары, а русские сказали бы – на веранду, похожую на комнату, только открытую с одной стороны. Похоже, хозяин любил отдыхать, устроившись на подушках, здесь, на застланном пушистым ковром возвышении, наблюдая через перила за челядью, суетящейся во дворе. Николай стал выкладывать на ковёр пряжки, брошки, замки маленькие и большие... А хозяин нетерпеливо показал на эфес без клинка:

– А это... что? Продаёшь?

– Нет, хозяин, не продаю, – он многозначительно улыбнулся смуглому мужчине. – Это мне один человек дал... Знакомая вещь?

– Хмм... – тот не ответил, глянул с подозрением. – Откуда ты? Не местный?

– Не местный... А эту серебряную пряжку не желаешь?

– Что ты о ерунде болтаешь?! – сердито оборвал хозяин. – Говори, от кого эфес получил?

– Ммм... Один человек дал... полковник, – Николай говорил медленно, наблюдая за реакцией собеседника. – Он поручил передать некому Тагиру, бывшему янычару, несколько слов...

– Я – Тагир. А ты кто? Русский?! Что полковник велел передать мне? – требовательно вопрошал хозяин.

Стало быть, тот самый. Далее играть роль спекулянта не было смысла.

– А я – Николай.

– Николай? Как ваш император?! – мужчина впился глазами в лицо посланника. – И каков ответ?

Тагир-ага встречался с полковником Липранди в конце прошлого лета. От имени янычар, уцелевших после того, как султан Махмуд II разгромил их войско, он передал просьбу императору Николаю Павловичу принять их в своё подданство. Они, мол, готовы помогать русским в войне с султаном: не всех янычар вырезали, полк ещё могут набрать. А после хотели бы поселиться в Крыму или Казани, где укажет император. Полковник Липранди, отправляя в Петербург письмо с этим предложением, приложил личную записку, в коей подробно рассматривал выгоды и опасности такого войска. Янычары – умелые и до безрассудности храбрые воины, однако послушностью не отличались. Верховная власть в Османской империи не раз висела на волоске из-за их бунтов, бывало, что янычары, обязанные охранять властелина Высокой Порты, смещали и даже убивали неугодного им султана и возносили на трон кого-то другого из рода османов, более уступчивого. И Махмуд стал султаном лишь после того, как янычары убили султана Селима. Потому Липранди писал императору, что, по его личному мнению, опасно приглашать янычар и тем более селить их компактно, – в России и своих смутьянов хватает.

Ответ из Петербурга пришёл нескоро. Канцлер барон Нессельроде сообщил, что государь император не нуждается в войске янычар. Однако, если кто-то пожелает единолично принять российское подданство, тому следует оказывать помощь. Но не всем. Нессельроде писал, что нужно разговаривать с разжалованными янычарами по отдельности, дабы понять, кому можно что-то обещать, а кому – категорически нет. Также порекомендовал полковнику Липранди вербовать их: если они – противники султана, пусть послужат русскому императору, будучи в Турции. Об этом и должен был поговорить с Тагир-агой подпоручик Целищев, причём, каким бы ни был результат беседы, её следовало сохранить в строжайшей тайне. Посылая его в Шумлу, Липранди предупредил, что нельзя быть уверенным даже в том, что Тагир-ага не выдаст, следовало вести себя предельно осторожным. Риск был велик, но оправдан. У Липранди уже были агенты в Шумле, но – торговцы или крестьяне, не разбирающиеся в военном деле, а офицер янычар – совсем другое дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.